

Фроловский Г.В.

[Рецензия]: В. Соловьев. Письма.

Под ред. Э.Л. Радлова.

Изд. «Время». Петербург. 1923

От издателя

Публикуемый текст рецензии Г.В. Флоровского на издание писем Владимира Соловьева под редакцией Э.Л. Радлова завершает нашу серию публикаций работ Г.В. Флоровского о В.С. Соловьеве, найденных в архиве библиотеки Свято-Владимирской Семинарии, г. Крествуд, штат Нью-Йорк, США.

Данная работа представляет интерес с точки зрения понимания историко-философской методологии Флоровского, особенно его анализ значения эпистолярного наследия в выяснении интеллектуальной эволюции мыслителей, в частности, Соловьева. Флоровский отмечает, что в письмах Соловьев часто высказывается более остро и откровенно, как бы договаривая то, что оставалось сглаженным и недосказанным в его публикациях. Вместе с тем, Флоровский подчеркивает, что письма – «материал двусмысленный и коварный» и к отдельным полемическим и несдержанным высказываниям писем следует относиться критически, т.к. «они не проходят через строгую и ответственную внутреннюю цензуру, не подвергаются такому сосредоточенному словесно-логическому суду, какой претерпевают слова, обращенные автором к незримому и собирательному читателю» (С. 2).

Что же касается содержания писем, то Флоровский уделяет особое внимание генезису соловьевских теократических идей и связанных с ними практических планов по восстановлению церковного единства. Пройдя через опыт евразийского движения, а также соприкоснувшись с реальностью католического прозелитизма православных беженцев в Чехословакии, Флоровский стал относиться к униональным планам Соловьева весьма критически. В 1922–1924 гг. Флоровского также проявляет интерес к утопическим направлениям

российской общественно-политической мысли XIX в., в контексте которых он трактовал как «свободную теократию» Соловьева, так и большевистскую революцию.

Публикуемая работа Флоровского представляет собой машинописный текст, отпечатанный на восьми пронумерованных листах, размером 190 на 118 мм, последний лист укорочен по длине до 160 мм. Сложенные вдвое листы машинописи вложены в тетрадь с лекциями «Философия Вл. Соловьева», хранящуюся, как уже сообщалось в предыдущей публикации, в боксе под названием «Notes («Заметки»)» без папки. Окончание работы отсутствует, тогда как датировка и имя автора не указаны в сохранившейся части машинописи. Предположительно, завершение работы можно датировать не ранее 1923 и не позднее 1925 г. Судя по состоянию текста и небольшому количеству исправлений и опечаток, машинопись является одной из последних редакций текста. Машинопись прошла дополнительную авторскую корректуру, т.к. иностранные слова и выражения позднее внесены от руки в специально оставленные для этой цели пробелы в печатном тексте. На основании почерка этих рукописных дополнений, а также особенностей стиля и содержания машинописи, авторство Флоровского не вызывает сомнений. Автор дважды называет свою работу «краткой заметкой» (С. 2, 6), из чего можно заключить, что рецензия предназначалась для (не осуществившейся) публикации в одном из русскоязычных эмигрантских журналов. Общий объем сохранившейся части текста – 17,750 знаков, с пробелами. Можно предположить, что полный текст «краткой заметки» был около двадцати тысяч знаков. Если эта гипотеза верна, то публикуемый материал представляет собой около 80-90% всего текста.

Дореволюционная орфография оригинала в настоящей публикации приведена в соответствие с современными правилами правописания. Разрядка в машинописном тексте передана курсивом, а подчеркивания сохранены. Текст публикуется впервые.

П.Л. Гаврилюк

* * *

В трудное время¹ Э.Л. Радлову удалось все-таки выпустить четвертый и заключительный том своего собрания писем Соловьева. Здесь повторно воспроизведены письма, появившиеся в печати после выхода 3-его тома, и к ним присоединено немало новых. Эпистолярное наследие Соловьева в издании Радлова, конечно, не исчерпано. Многие еще остаются в неизвестности, а, может быть, и утрачено, – сам Радлов относит к этой последней категории переписку с братьями Трубецкими. К сожалению, и из изданного кое-что ускользнуло от внимания почтенного редактора. Так, прежде всего, надо отметить очень важное письмо к А.А. Кирееву, напечатанное С.М. Соловьевым вместе с письмами Киреева к Соловьеву в «Русской Мысли» 1917 г., кн. VII–VIII, стр. 138–147². Не воспроизведено почему-то и письмо к Императору Николаю II, напечатанное впервые в № 1 журнала «Налача», 1921 г., выходившего под редакцией, в числе прочих, и самого Э.Л. Радлова. Почти одновременно со сборником Радлова опубликовано характерное письмо Соловьева к Победоносцеву, 1892 г., – К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Труды Государственного Румянцевского Музея, вып. III, под ред. М. Покровского, М. 1923, сс. 969–970. Кстати сказать, в этом издании помещены и другие материалы, относящиеся к Соловьеву. Весьма любопытно письмо Ф.М. Дмитриева к Победоносцеву, 2 III 1882 г., с разъяснениями о лекциях Соловьева, которые Дмитриев посещал в качестве попечителя Петербургского учебного округа. Защищая Соловьева от каких-то неизвестных нападков, он подчеркивает, что «во всяком случае с Львом Толстым у него ничего нет общего» (вып. II, С. 278–279). Затем надо отметить два всеподданнейших письма Победоносцева, по поводу «Русской Идеи» и о том, что «в Москве безумный Соловьев вздумал собирать нечто вроде митинга для протеста против мер, принимаемых относительно евреев». На втором письме Государь написал: «Я уже слышал об этом. Чистейший психопат» (С. 828, 937). Наконец, надо упомянуть две возбужденные записки Н.Я. Грота, приезжавшего в Петербург защищать Соловьева от обви-

¹ Флоровский намекает на трудность публикации философских трудов в Советской России после большевистской революции и гражданской войны.

² Имеется в виду публикация: *Соловьев С.М.* Из переписки Владимира Соловьева с А.А. Киреевым // Русская мысль. 1917. Июль–август. С. 135–148.

нений за его реферат об упадке средневекового мирозерцания, 1892 г. (С. 956–958). [2]³

В краткой заметке нет возможности подробно рассмотреть и прокомментировать вновь собранные письма. Они представляют не только биографический интерес. Свободные и непринужденные изъяснения писем позволяют проявить и оформить неясные намеки и недосказанные речи Соловьева, который в печати далеко не всегда мог высказываться до конца и в таких выражениях, которые передавали его мысль адекватно и точно. Конечно, вместе с тем письма – материал двусмысленный и коварный. Они не проходят через строгую и ответственную внутреннюю цензуру, не подвергаются такому сосредоточенному словесно-логическому суду, какой претерпевают слова, обращенные автором к незримому и собирательному читателю. И в частности Соловьев в своей переписке часто бывал и несдержан, и легкоподвижен. В его письмах не годится каждое лыко в строку ставить, и с большой осторожностью приходится пользоваться словами, быть может, невзначай сорвавшимися под сердитую или под веселую руку. При всех оговорках, однако, письма Соловьева помогают распознать тот внутренний процесс духовного борения и становления, который скрывается за его писательской деятельностью. Их следует со вниманием прочесть, продумать и прочувствовать каждому, кто в творениях Соловьева ищет не только назидательного чтения, но и самосвидетельства мыслителя *о его собственном пути*. Благодарное и почтительное чувство к тому, кто для многих и многих был воистину детоводителем во Христа,⁴ не должно и не может заслонять задачи объективного воспроизведения его подлинных замыслов и устремлений. Иначе возникает опасный соблазн уравнительного сведения разновременных ступеней его духовного становления к условной средней схеме, затемняющей динамику его мысли, говорящей больше об исследователе, чем об исследуемом. И справедливо Л.М. Лопатин указывал, что «вокруг личности Соловьева уже растет легенда», – «она, может быть, очень благочестива, благонамеренна и даже поэтична, но в ней нет реальной правды»⁵. Только внимательное изуче-

³ Авторская нумерация листов машинописи.

⁴ Грамматически неточная аллюзия на выражения ап. Павла о том, что еврейский закон является для христиан «детоводителем ко Христу» (Послание к Галатам 3:24).

⁵ Лопатин Л.М. Вл.С. Соловьев и князь Е.Н. Трубецкой. Часть I // Вопросы философии и психологии. 1913. № 119. С. 339–374. С. 344.

ние духовного становления Соловьева открывает доступ внутрь его системы и позволяет с доказательностью воспроизвести то, что он *сам хотел сказать*, а не только то, что мы можем у него вычитать. С этой точки зрения письма Соловьева стоят в высокой цене. [3]

Ранние годы Соловьева для нас менее всего ясны, – мы можем наблюдать только отдельные моменты его перехода от Шопенгауэра и Гартмана к ~~церковному~~⁶ христианскому мировоззрению. Новые письма позволяют восполнить отчасти эти пробелы. Особенно интересно письмо к [Н.И.] Карееву⁷, 2 VI 1873 г. «Намерения мои относительно будущего несколько изменились», – говорит Соловьев, – «хочу заменить магистра философии магистром богословия. Для этого буду сначала держать в духовной академии кандидатский экзамен, равняющийся нашему магистерскому, т.к. он совершенно специальный и другого после него не бывает; затем должен буду прямо защищать диссертацию. Все это возьмет два года, в течение которых буду жить у Троицы, т. к. там удобнее заниматься. А затем далее – самая удобная для меня дорога. Печально только, что буду на ней совершенно одинок; по крайней мере, от прежних товарищей сверну совсем в сторону» (С. 147–148). К сожалению, о пребывании Соловьева в Московской Академии мы почти ничего определенного не знаем, и остается неясным, почему он не исполнил своего намерения⁸. Из письма к О.А. Новиковой, из Каира, 25 XI 1875, мы узнаем, что у него было намерение отправиться и в Индию (С. 162). Но вернулся из Египта он неудовлетворенным, «Восток есть куча старого мусора», – пишет он по возвращении Янжулу из Парижа, 9–21 V 1876. И тут же замечает о [Э.] Ренане: «пустейший болтун с дурными манерами» (С. 147). Из писем к о. П.А. Преображенскому мы узнаем, что в устном изложении 1878 г. «Чтения о Богочеловечестве» кончались рассуждением «о последних вещах», и, по видимому, высказывался Соловьев в смысле апокатастасиса. 22 V 1878 г. он шутливо сообщает О.А. Нови-

⁶ Слово «церковному» в машинописи перечеркнуто и сверху от руки исправлено на «христианскому». Очевидно, христианское мировоззрение Соловьева к этому времени Флоровский вполне церковным уже не считал.

⁷ Николай Иванович Кареев (1850–1931) – русский историк, университетский товарищ Соловьева.

⁸ Последнее сложноподчиненное предложение прибавлено автором от руки. Этот период в раннем творчестве Соловьева – его пребывание в Московской Духовной Академии и его круг общения – Флоровский обсуждает более подробно в статье «Молодость Владимира Соловьева». Путь. 1928. № 9. С. 83–88.

ковой, что «некая особа» внушала ему, что «отрицать вечность геены огненной гораздо хуже, чем отрицать бытие Божие» (С. 163). Отбросил это заключение Соловьев, по-видимому, по свободным и внутренним мотивам, ибо новую, известную нам редакцию последних, 11–12, чтений он находил «во всяком случае лучшим из всего им написанного до сих пор» (середина 1881 г.). Об этой поре, когда слагались главные религиозно-философские произведения Соловьева опять-таки мы мало знаем.

В период теократических и униональных исканий и действий Соловьева вводит его известная речь по поводу царевубийства I-го марта. В новом сборнике перепечатаны два его письма, относящиеся к [4] этой речи, – к Имп. Александру III и к петербургскому градоначальнику, ген. Баранову. «Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявляемую ныне в таких небывалых размерах», – писал Соловьев Государю, «веруя также, что русский народ в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, – я решился с публичной кафедры исповедовать эту свою веру. Я сказал в конце речи, что настоящее тягостное время дает русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть его на недосыгаемую высоту и на незыблемом основании утвердит Его державу. Милуя врагов своей власти вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, Царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение Царской власти, – покажет, что в Нем живет высшая духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больше этого подвига»... (С. 149–150). «Заключение моей лекции было приблизительно следующее», объясняет Соловьев градоначальнику, – «решение этого дела не от нас зависит, и не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым, и служим единому Богу – Богу любви. Тогда мы возможем духовно воссоединиться с нашим народом, – тогда он узнает в нашей мысли свою душу и увидит свою жизнь в нашем свете» (С. 142). Эти сжатые определения хорошо выражают смысл идеи о вселенском религиозно-нравственном призвании Русского Царства, чрез которую Соловьев

подошел к вопросу о соединении с Римом. Вместе с тем в них совершенно ясен народнический оттенок этой мысли: Соловьеву предносится⁹ великое воссоединение – Царя, общества-интеллигенции и народа. Греза о земном «Царствии» нерасторжимо входит в состав церковного идеала Соловьева, – именно она дает историческую основу для унии по Соловьеву. Сам Соловьев свою идею «Всемирного Императора» открыто связывал с Дантом и с Тютчевым. «Нужно помнить», – писал он И.С. Аксакову в ноябре 1883 г., – «что такой многообъемлющий принцип, [5] как «всемирный Император», «вселенский первосвященитель» и т. п., является прежде всего, как *знамя* или как символ... Идея всемирной монархии принадлежит не мне, а есть вековечное чаяние народов... В полном издании «Великого Спора» я намереваюсь изложить идею всемирной монархии большей частью словами Данта и Тютчева[»] (С. 26–27)¹⁰.

Свою исходную церковную позицию Соловьев так выражает в одном из писем к Т.И. Филиппову, 2 V 1885: «Если бы даже Промысл Божий, который διὰ τῶν ἐναντίων ἐργάζεται¹¹, хотел вести Церковь к единству через разделение, то это его дело, а наша обязанность противиться разделению, если только мы не хотим служить единению Церкви так, как Иуда Искариот послужил делу искупления, предав на смерть Иисуса Христа» (С. 165). На эту тему Соловьев говорит много и постоянно. Воспроизведенная в новом сборнике писем переписка его с братом, Михаилом Сергеевичем, и с И.С. Аксаковым хорошо передает настроения Соловьева 80-х гг. «Говоря о примирении с католичеством», – писал Соловьев Аксакову уже в начале 1883 г., – «я тем самым уже предполагаю, что католичество в *принципе не ложно*,¹² потому что с ложью мириться нельзя. Я в католичестве вижу ложное применение, а применение может и перемениться» (С. 19–20). «Не в моей власти исцелить разделение церквей», – повторяет он спустя немного дней, – «но в моей власти и обязанности¹³ не растравлять их ран полемикой, а смягчать их словом справедливости и примирения...

⁹ Устар.: «представляется».

¹⁰ См. статью Флоровского «Владимир Соловьев и Тютчев». Путь. 1933. № 41. С. 3–24.

¹¹ «Осуществляется чрез противоположные вещи» (греч.).

¹² Курсив в публикации Радлова, тогда как «не ложно» подчеркнуто Флоровским.

¹³ Слово «обязанности» в издании Радлова напечатано курсивом.

Обличение не облегчает,¹⁴ и вражда не врачует... Западу не помогли, Востока не оживили, а сами чужим недугом заразились... Мне кажется, Вы смотрите *только* на папизм, а я смотрю прежде всего на *великий, святой и вечный Рим*, основную и неотъемлемую часть вселенской церкви. В *этот* Рим я верю, пред ним преклоняюсь, его люблю всем сердцем и всеми силами своей души желаю его восстановления для единства и целостности всемирной церкви, и будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима» (письмо к [И.С.] Аксакову, 9 III 1883)¹⁵. «Нравственная перемена в нашем отношении к западной церкви будет первым шагом *христианской политики*, суть которой в том, что она исходит из нравственных чувств и обязанностей, а не из интереса и не из сомнений». Внешнюю унию, основанную как раз [б] «на *компромиссе интересов*», Соловьев при этом *решиительно осуждает* (письмо к [И.С.] Аксакову, 13 X 1883, с. 24)¹⁶. Унионально-теократические воззрения Соловьева требуют обстоятельного исследования и разбора, для которого в краткой осведомительной заметке места нет. Но совершенно ясно, что исходил Соловьев из постулата внешнего единства христианского мира, и, предвосхищая мечтою его осуществление со своеобразным нечувствием, относился к исторической эмпирии, словно в ней все только эмпирическое и нет метафизического смысла в разобщении Востока и Запада. Все мешающее и препятствующее «соединению» представлялось ему каким-то мороком непонимания и слабости, и до подлинных глубин Римской схизмы он не доходил никогда. *Организация христианского мира*, – это *практическое задание* всецело поглощало его внимание. В своих церковно-общественных грезах, – иначе их нельзя назвать, – Соловьев был более *публицистом*, нежели богословом или философом. От этого одностороннего практицизма и происходит некая бесформенность и неустойчивость его суждений. Он слишком готов был на тактические соглашения и уступки. И в конце концов его унионально-теократическая мечта остается очень туманной. Говоря об историческом католицизме, он постоянно подменял его католицизмом «идеальным» и воображаемым. Го-

¹⁴ Неточная цитата. В издании Радлова: «Но обличение не облегчает...» (С. 21).

¹⁵ В издании Радлова письмо датировано «март 1883», без указания точной даты. У Радлова лишь слово «только» выделено курсивом; выделение остальных слов принадлежит Флоровскому.

¹⁶ В издании Радлова письмо датировано «октябрь 1883», без указания даты, и цитируемые Флоровским выражения находятся на с. 25, а не 24.

воря о православии, он подставлял на его место полупублицистический образ «растленной Византии» и тоже растленной России. Подлинных экклезиологических проблем по существу он почти не касался. Он мыслил исключительно в категориях «христианской политики». «Я одинаково не согласен как с теми, которые видят в папстве *цель* человечества (иезуиты), так и с теми, которые не хотят видеть в нем *необходимое средство*»¹⁷, писал он уже в 1888 г. [М.М.] Стасюлевичу (25 VIII, [с.] 37), и это для него очень характерно.

Особенный интерес представляют 15 писем к Е. Тавернье, впоследствии переводчику «Трех Разговоров». Они обнимают, хотя и с перерывами, период в десять лет, с 1888 по 1898 г. Здесь много любопытного. Уже в 1888 г., 21 VII, Соловьев пишет: «je regarde plus ou moins toute chose sub specie aeternitatis ou au moins sub specie antechristi venturi»¹⁸ (СА. 184). Если это не случайное выражение, позволило [7] было бы связать первые проблески апокалиптического настроения с неладиею в униональных действиях. В 1894 г. Соловьев сообщает своему корреспонденту о «серьезном движении» среди русских раскольников, которых ошибочно считают за протестантов и рационалистов, – *vers la catholicité* (je ne dis pas encore *catholicisme*).¹⁹ Они ищут законной иерархии; и «так как нет никакой практической возможности получить искомое от восточной церкви, то, стало быть...» Любопытно, что при этом Соловьев обходит молчанием существование Белокриницкой и австрийской иерархии. «Вторая и единственная остающаяся возможность тем более предпочтительна, что при этом к действительности присоединилась бы и правильность», – *elle réunirait à l'avantage de la valabilité* (sic!) *celui de la régularité*.²⁰ Соловьев признается, что его захватывают эти новые и неожиданные перспективы. «Я вижу, что за последние двенадцать лет, сам того не думая и не предвидя, я подготовлялся к практической и неотложной роли, что я не ошибался и не напрасно работал, даже с практической точки зрения» (С. 195–196). На деле и в этот раз Со-

¹⁷ Флоровский воспроизвел курсив по изданию Радлова, процитировав последние два слова в измененном падеже. У Радлова: «*необходимого средства*».

¹⁸ «Я рассматриваю почти что все с точки зрения вечности, или по крайней мере с точки зрения пришествия Антихриста» (фр., лат.) Подчеркнутые Флоровским латинские выражения приведены в издании Радлова курсивом.

¹⁹ «в направлении к католичеству (я не говорю пока католицизму)».

²⁰ Дословно: «она [возможность] присоединила бы правильность к действительности» (фр.).

ловьеву пришлось «разочароваться». Но во всяком случае в нарисованную покойным кн. Е.Н. Трубецким картину постепенного крушения теократического замысла приходится внести немаловажные поправки, прежде всего хронологические. В середине 1894 г. Соловьев сочувственно отзывался об англо-римском движении, в особенности потому, что часть de Right Reverends²¹ прелюбодейно «делают глазки» в сторону «Северо-Востока». При нынешнем состоянии восточного христианства всякий внешний успех представляется Соловьеву несчастьем для дела «вселенского христианства», тогда как всякий внешний успех западного христианства является счастьем для всего мира (С. 197). А вслед за тем Соловьев набрасывает общий план христианской политики при *апокалиптических* предпосылках. Слово Божие предвещает: всеобщую проповедь Евангелия, при чем однако, большинство окажется на стороне Антихриста, а истинно верующие будут составлять ничтожное меньшинство; и тем не менее, после краткой и ожесточенной борьбы, они окончательно восторжествуют. Из этих «простых истин» Соловьев делает выводы. Во-первых, под вселенской проповедью Евангелия не следует разуметь одно лишь внешнее распространение, – пред человечеством должна быть поставлена дилемма: принять или отвергнуть «истину хорошо изложенную и хорошо по-[8]нятую», и потому совершить выбор вполне ответственно. И вот пока христианское учение еще не получило такой законченной формы, при которой выбор бы мог свестись к простой противоположности утвердительного или отрицательного ответа, «вполне нравственного и вполне безнравственного». Таким образом, необходимо прежде всего «общее восстановление христианской философии», без чего Евангельская проповедь остается «бездейственной». Во-вторых, «раз в конце концов истина будет принята только меньшинством, более или менее гонимым, то *надо во что бы то ни стало оставить идею мощи или внешнего величия* теократии, как прямой и непосредственной цели христианской политики. Эта цель –

²¹ Так в оригинале. Фроловский цитирует без перевода и без кавычек слова из письма Соловьева к Евгению Тавернье, датированное май–июнь 1896 года, написанного по-французски. Выражение «de Right Reverends» (смесь фр. и англ.) – это форма обращения к англиканскому духовенству, которую можно приблизительно перевести как «Высокочтимые» (С. 198 в издании Э.Л. Радлова). В предисловии к своему изданию, Радлов отмечал особое значение данного письма для понимания богословской позиции Соловьева.

правда,²² а слава – только следствие, которое осуществится само собой»²³. Однако отсюда не следует, будто надо вести себя совсем пассивно. Победа Христа над Антихристом требует нашего соучастия. Для этого нужно повысить свою силу, – прежде всего, через нравственное и религиозное единение, и при том на основе законности и предания. Таким новым и своеобразным путем Соловьев приходит к прежней своей думе о «единственном центре единства в христианском мире» (С. 198–199)²⁴. Не надо подчеркивать, – и так ясно, какой неожиданный свет бросают эти размышления и на «Повесть об Антихристе». В январе 1898 Соловьев с большой определенностью пишет Тавернье: «Я всецело сосредотачиваюсь на Библии, которая от Бытия до Апокалипсиса объемлет все, что может меня интересовать. Я не знаю, какую форму примет моя окончательная работа, – будет ли это новый перевод с большими комментариями, или система исторической философии, основанная на фактах и духе Библии... Я уверен, что соединение церковью между собой и затем с синагогой и пришествие Антихриста должны быть предворены появлением моего библейского труда» (С. 204). Все грезы начала 80-х годов, как видим, здесь вновь воскресают, но с новой окраской. В свете новых писем становится более понятным «присоединение»...²⁵

Публикация подготовлена П.Л. Гаврилюком

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Соловьев С.М.* Из переписки Владимира Соловьева с А.А. Киреевым // Русская мысль. 1917. Июль–август. С. 135–148.
- Лопатин Л.М.* Вл.С. Соловьев и князь Е.Н. Трубецкой. Часть I // Вопросы философии и психологии. 1913. № 119. С. 339–374. С. 344.
- Флоровский Г.В.* Молодость Владимира Соловьева // Путь. 1928. №9. С. 83–88.
- Флоровский Г.В.* Тютчев и Владимир Соловьев // Путь. 1933. № 41. С. 3–24.
- В. Соловьев. Письма / Под ред. Э.Л. Радлова. Петербург: Время, 1923.

²² В оригинале: «justice», т. е. «справедливость».

²³ Курсив добавлен Флоровским.

²⁴ Неточная цитата. В оригинале: «il n'y a dans le monde chrétien qu'un seul centre d'unité légitime et traditionnelle» – «в христианском мире существует только один центр законного и традиционного единства» (С. 199).

²⁵ На этих словах сохранившаяся часть машинописи обрывается.

[Review] V. Solovyov. Letters. Ed. E.L. Radlov.
(Izd. «Vremya». Petersburg. 1923)
by Georges Florovsky

REFERENCES

Solovyov, S.M. “Iz perepiski Vladimira Solov'eva s A.A. Kireevym” [From the Vladimir Solovyov's correspondence with A.A. Kireev], *Russkaya mys'* [Russian Thought], 1917, July–August, pp. 135–148. (In Russian)

Lopatin, L.M. “Vl.S. Solov'ev i knyaz' E.N. Trubetskoi. Chast' I” [Vl.S. Solovyov and prince E.N. Trubetzkoj. Part I], *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 1913, no 119, pp. 339–374. (In Russian)

Florovsky, G.V. “Molodost' Vladimira Solov'eva” [Vladimir Solovyov's youth], *Put'* [The Way], 1928, no 9, pp. 83–88. (In Russian)

Florovsky, G.V. “Tyutchev i Vladimir Solov'ev” [Tjutchev and Vladimir Solovyov], *Put'* [The Way], 1933, no 41, pp. 3–24. (In Russian)

V. Solov'ev. Pis'ma [V. Solovyov. Letters], ed. E.L. Radlov. Peterburg: Vremya Publ., 1923. (In Russian)